

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Материалы на обложку предоставлены
ООО «2Д Целлулоид», ART PICTURES STUDIO

Гончаров, Андрей Александрович.
Г65   Хороший мальчик / Андрей Гончаров. — Мо-
сква : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-98858-7

Добрая и веселая книга, прекрасно дополняющая блестящую одноименную кинокомедию. Здесь читатель может «посмаковать» забавные, смешные и анекдотичные фразы персонажей и погрузиться во внутренний мир героев, где бушуют настоящие страсти, драмы и любовные перипетии. Этот мир — школьников, родителей, учителей — наполнен Любовью, и это самый главный вывод, к которому приходит читатель, перевернув последнюю страницу романа. Ну а пока... пока в старшекласника Колю Смирнова влюбляется дочь директора школы, но сам Коля просто тает при виде молоденькой учительницы английского. Может, именно эти горячие чувства и подожгли компьютерный класс? Впрочем, следователь думает иначе. И у Коли есть кое-какие соображения насчет злоумышленника...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98858-7

© ООО «2Д Целлулоид»
© ART PICTURES STUDIO
© Гончаров А., 2017
© ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА 1

На завтрак были сырники. Они часто появлялись на столе. Мама любила их готовить, и получались они у нее замечательно: пышные, румяные, политые сметаной с сахаром. Коля сидел за столом и смотрел, как они шипят и раздуваются на сковородке. Мама быстрыми, ловкими движениями тонких изящных рук переворачивала их лопаточкой, затем снимала и складывала в большое блюдо. Вскоре в нем образовалась уже весьма высокая горка, и все за столом изошли слюной.

Мама выставила блюдо на стол и с улыбкой сказала:

— Ешьте!

Это было излишне, потому что никто и не собирался отказываться.

К сырникам сразу потянулись вилки папы и Коли и не очень чистые пальцы Димы.

Дополнительно, для особых сладкоежек, на стол выставлялась банка сгущенки. А таковыми были все — папа, Дима, Коля. Только мама избегала сахара по привычке, оставшейся с молодости, когда она была балериной.

Коля с удовольствием уплетал один сырник за другим, не отставал от него и Дима. Папа тоже ел довольно усердно. Он тщательно пережевывал каждый кусок. Старание прямо-таки отражалось на его лице, на лбу, сведенном в морщины.

Только мама не ела. Она подложила кулак под подбородок и любовно наблюдала за домочадцами, которые молча поглощали сырники. Идиллическую тишину, перемежавшуюся с чавканьем, нарушил папа. С трудом двигая набитым ртом, он проговорил в несколько приемов:

— Вообще-то так нельзя. Не усваивается творог в первой половине дня. Это же настоящая отравка!

Ну, все понятно. Папа сел на своего любимого конька под названием «правила здорового питания». На этой теме он был буквально помешан. К примеру, не далее как три дня назад отец раскритиковал мамины котлеты. Он уверял жену и детей в том, что свинину есть нельзя ни при каких обстоятельствах. Мол, организм этого домашнего животного кишит паразитами, которые вместе с котлетами пробираются в человека и начинают разрушать его изнутри. Свинья питается всякими отходами. На то она и свинья. Человек, отведавший ее мяса, превращается в подобие этой богомерзкой твари.

Нет, папа отнюдь не был иудеем или мусульманином. Такой факт выглядел бы очень

странно, если тебя зовут Александр Смирнов. Его неприязнь к свинине была вызвана отнюдь не религиозными соображениями.

Коля в глубине души был уверен, что папа просто боится потолстеть. Хотя вроде бы никаких внешних оснований опасаться этого не было. Папа всегда отличался худобой. Регулярные занятия спортом, начатые еще в юности, также способствовали стройности его фигуры.

Хотя, может быть, поэтому отец и боялся. Сейчас-то он спортом прекратил заниматься, переключился на умственную деятельность. Так часто бывает. Зарабатываешь себе стройное тело, потом бросаешь спорт и — бац! Оглянуться не успеешь, как ты уже на колобка похож.

Коля покосился на папу. Нет, он совсем не напоминал колобка. Худой мужчина в больших нелепых очках скорее походил на ученого, проводящего свои дни где-нибудь в лаборатории или в научной библиотеке, на этакого книжного червя. В хорошем смысле слова, разумеется. Вот что-что, а книг папа перечитал немислимое количество.

Коле передалась эта страсть. Один из немногих подростков он читал и приключенческую литературу, и классику, и философию. Никто в их классе не прочел столько. Да что в классе — и в семье тоже. Разве что папа.

Мама тоже уважала книги, но меньше. Больше всего на свете она была увлечена папой.

Коля незаметно посмотрел на мать и поймал ее обеспокоенный взгляд, обращенный

в этот момент как раз на папу. В нем застыли тревога и нежность. Мама всегда так вела себя с папой. Она вообще была очень женственная, все-таки бывшая балерина.

А вот, кстати! Коля даже есть перестал, призадумавшись насчет мамы. Ведь она с детства занималась балетом, выполняла многочасовые упражнения, соблюдала строгую диету, когда танцевала в ансамбле, знаменитом на всю страну. Потом все это закончилось — и балет, и упражнения, и диеты. Но мама как была тоненькая и изящная, так и осталась. За это время она успела произвести на свет Колю, за год до этого — Диму и нисколько не поправилась! Коля видел записи танцев с участием юной мамы. Она совсем не изменилась! Если только самую-самую чуточку. И это ее совсем не портит. Она все равно очень красивая и молодая!

Папа тем временем потянулся за следующим сырником и принялся столь же тщательно его пережевывать.

— Невкусно? — Мама забеспокоилась и чуть не подскочила на стуле.

Она была настроена сейчас же приготовить для папы что-то другое.

— Да вкусно, — поморщившись, признал папа. — Дело не в этом. Можно и мышьяк вкусно приготовить. У кого сгущенка?

Мама тут же протянула ему банку со сгущенкой, отобрав ее у Димы.

Тот остался без любимой сласти и неожиданно спросил:

— А мышьяк, кстати, хорошо усваивается?

Коля хмыкнул. Он хотел было пояснить на тему о том, что Дима нашел достойную альтернативу сгущенке, и настоятельно рекомендовать употреблять ее каждое утро, но тут ему в голову пришла другая острота.

— Хорошо, но один раз, — сказал он, поняв, что каждое утро употреблять мышьяк в дозах размером с банку сгущенки не удастся никому.

Даже Распутину с его титанической мощью.

Мама улыбнулась, даже Дима кривовато ухмыльнулся, но папа вдруг серьезно посмотрел на сына и произнес:

— Что ты такое говоришь? Мышьяк — это металл! Как он может хорошо усваиваться?

— Мышьяк — это полуметалл, — спокойно поправил его Коля, уже привыкший к тому, что у папы туговато с чувством юмора.

Но папа повторил упрямо:

— Мышьяк — это металл.

— Не спорь с папой! — одернула Колю мама и нахмурилась, но и тот уже закусил удила.

— Это полуметалл, — повторил он.

— Началось... — Дима закатил глаза.

Ему вообще этот спор был по барабану — металл, полуметалл. Он и слов таких не знал. В плане химии. А металл для него ассоциировался только с музыкальным направлением.

Дабы не тратить время на голословные препирательства, Коля быстро открыл на своем

смартфоне «Википедию» и демонстративно повернул экран так, чтобы он был виден всем присутствующим. На нем победно светились строчки: «Мышьяк, полуметалл». Столь же победно сияли и Колины глаза.

Папа смотрел на Колю с удовольствием. В глубине души он явно был доволен тем, что сын обскакал его по части науки. Однако вслух его не похвалил. Папа вообще был скуповат на такие дела, даже больше, чем на юмор.

Он лишь окинул Колю выразительным взглядом и бросил:

— Трудно тебе придется в жизни, сынок!

— Так, все, давайте быстренько собирайтесь в школу, а то опоздаете! — подвела черту мама и принялась собирать со стола посуду.

Коля и Дима взяли свои рюкзаки и направились в прихожую.

Первым уроком, начавшимся в восемь часов, в девятом «Б» был английский. Единственное приятное событие хмурого раннего утра, если вообще может быть что-то позитивное в такую рань. Английский вела Алиса Денисовна Слепова, самая красивая учительница в школе.

Коля сел за свою парту. Рядом с ним устроился Спича, его лучший друг. Этот парень хорошо шарил в английском и постоянно перемежал свою речь импортными словечками. За это он и получил свою кличку, происходящую от английского «спич».

Алиса Денисовна вошла в кабинет через четыре секунды после звонка. Вся она была такая свежая, красивая, разрумившаяся, улыбочивая, будто для нее первый урок в восемь утра — это просто праздник какой-то.

Коля тоже заулыбался. Он решил, что это она так радуется от встречи с девятым «Б». Но Алиса Денисовна на своих учеников не взглянула и Колину улыбку проигнорировала. Она села за свой стол, посмотрела в окно, через пару секунд решительно отвернулась от него и открыла классный журнал.

— Good morning, — произнесла учительница заученно, заглянула в журнал и тут же перешла на русский: — Итак, отвечать пойдет... — Указательный палец Алисы Денисовны, ноготок на котором был покрашен в нежно-розовый цвет, скользил по списку учащихся девятого «Б».

Потом Алиса Денисовна вдруг оторвала взгляд от журнала и обвела глазами класс. Многие ученики тут же опустили глаза. Одни чрезвычайно внимательно изучали первую попавшуюся страницу в учебнике, открытую наспех, другие — надписи на парте или шнурки своих кроссовок. В глаза Алисе Денисовне никто не смотрел.

— Отвечать пойдет... — повторила Алиса Денисовна, рассматривая два десятка макушек.

Взгляд учительницы замер, уткнувшись в расплывшуюся физиономию. Коля смотрел на нее с первой парты и лыбился во весь рот.

— Смирнов! — тут же проговорила Алиса Денисовна и, как показалось Коле, выдохнула с облегчением.

Она попросила Колю рассказать о нем самом и его семье. На английском, разумеется.

Тема вообще-то была несложная, все это они уже проходили год или даже два назад. Коля вполне мог бы получить пять или на худой конец четыре. Но что-то не клеилось у него сегодня с этим рассказом. Может быть, потому что он как раз утром задумался о своей семье и понял, что она не укладывается в классические рамки ответа на уроке?

Коля смотрел на Алису Денисовну и молчал, продолжая по-дурацки улыбаться. Он понимал, что Алиса Денисовна попросила его рассказать о себе, соображал также, что своим молчанием с этой дурацкой улыбкой сейчас походит на идиота, но ничего не мог с собой поделать. Ему почему-то казалось ужасно смешным рассказывать о себе какими-то клише. Он подумал, какое впечатление произвел бы на молодую учительницу, если бы говорил о своей семье реально, не шаблонными фразами.

Коля едва не расхохотался во все горло, представив, как вытянулось бы лицо Алисы Денисовны. Но та, кажется, почувствовала, что с Колей творится что-то неладное. Она сдвинула аккуратные брови и собиралась что-то сказать.

— My name is Kolya Smirnov. — Он едва не приснул, настолько глупым показалось ему это высказывание.

— Давай сначала, — пришла ему на помощь учительница. — Let me introduce...

— Let me introduce myself, — по-попугаичьи забормотал Коля. — My name is Kolya Smirnov. I study in the ninth grade... — Он снова замолк.

— Что с тобой, Коля? — спросила Алиса Денисовна.

В голосе ее не было недовольства, скорее легкая тревога и участие.

— Ничего. То есть nobody. Nothing, в смысле. То есть...

Коля мямлил и прерывался, от этого нервничал. «Так, нужно собраться! Что там? Про себя вроде рассказал. Он Коля Смирнов и учится в девятом классе. Вполне достаточно, чтобы составить представление о человеке. Теперь про семью. Так, с кого начать? Обычно в первую очередь говорят о маме. Ну вот, значит...»

— My mother is a... бухгалтер, — выдавил из себя Коля.

— Accountant, Коля, — поправила учительница.

— Accountant, — прилежно повторил Коля и подумал, что правильнее было бы сказать, что мама его совсем не бухгалтер.

Она вообще-то балерина, и очень талантливая, в юности танцевала в ансамбле самого Игоря Моисеева. Великое чувство к папе заста-

вило ее бросить любимое дело и поехать за ним в Звездный городок, где не нужны были танцовщицы. Ей пришлось отучиться на каких-то курсах и выбрать себе новую, такую скучную и совсем неподходящую для нее профессию. Но бухгалтеры были востребованы, а балерины — нет. Все это Коля мог бы рассказать Алисе Денисовне, но только ей одной, а не всему классу, которому знать об этом было совершенно не обязательно.

И про папу Коля много мог бы рассказать. Все-таки отец у него — человек выдающийся, несмотря на всякие там его космические загоны. Папа за свою жизнь прочитал, наверное, больше книг, чем Анатолий Вассерман, бородатый чудак-интеллектуал, которого Коля неоднократно видел в разных телепередачах. Папа обладал прямо-таки энциклопедическими знаниями. Он мог бы стать известным на всю страну, а может быть, и на весь мир, если бы... Если бы у него было побольше практицизма, что ли. Или грубой нахрапистости. Но папа был тонким интеллигентом, а таким людям всегда сложно найти теплое место в жизни.

Коля посмотрел на Алису Денисовну. Та, в свою очередь, поглядывала на него и никак не могла понять, почему он так теряется, затрудняется с совсем несложным ответом. А Коля думал, что Алиса Денисовна чем-то похожа на его маму. Она тоже очень молодая и красивая.

Алисе Денисовне было тридцать четыре года, но Коля этого не знал. К тому же выгля-

дела она еще моложе. Внешность у нее была интересная, и одевалась учительница всегда элегантно и со вкусом. Сегодня на ней было платье-сарафан с широкими лямками и блузка, очень подходившая к глазам. Вот этими самыми глазами она смотрела на Колю, а он думал совсем не о том тексте, который должен был сейчас выдать.

— Stop, Kolya, that's enough. Что происходит? — спросила Алиса Денисовна.

— Ничего, — по-русски проговорил Коля. — Просто обдумываю свой ответ.

— Хорошо. — Алиса Денисовна кивнула. — Задержись, пожалуйста, после урока.

Она вызвала Спичу. Тот бойко отгарабанил текст, заданный на дом, четко перечислил членов своей семьи — мама, папа, бабушка — и подробно рассказал о каждом из них. Хотя Коля отлично знал, что Спича живет вдвоем с мамой, у него нет бабушки, а папа не появляется даже по большим праздникам. Всех их — и папу, и бабушку, и прочих любящих родственников — полностью заменила собой мама. Она была для сына всем и считала это своей жизненной миссией.

Коля понимал, что Спича в своем рассказе рисует воображаемых бабушку и папу. Вон, даже присочинил, что по выходным они с папой играют в футбол, а бабушка печет ему пирожки с капустой.

Странно, но Коля раньше не задумывался, сожалеет ли Спича о том, что живет вдвоем с